

ЕВГЕНИЙ ЦЫПАНОВ (Сыктывкар)

ДОПОЛНЕНИЯ К ПАРАДИГМЕ II ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В КОМИ ЯЗЫКЕ

Вопрос истории возникновения форм II прошедшего времени в коми языке, хотя и был предметом довольно пристального внимания (Серебренников 1963 : 257—266; Kővesi 1965 : 214—229 и др.), остается не до конца решенным. Так, точно не определено время формирования времени — или это результат развития в отдельных языках, или общепермское явление. Не все выводы Б. А. Серебренникова относительно основы развития форм II прошедшего времени, на наш взгляд, обоснованы. Сомнения вызывает положение о том, что в основе форм времени лежали причастия на *-т* в пассивном значении со значением результативности, например, *виѳма* 'убитый' (Серебренников 1955 : 166). Однако рассмотрение истории возникновения и развития времен невозможно без выявления полной парадигмы форм времени в литературном коми языке и его диалектах. Выяснение специфики употребления лично-числовых форм, их различий, вариативности формантов может послужить достоверной базой для раскрытия истории развития II прошедшего времени не только в коми, но и в удмуртском языке. Существенные особенности грамматической семантики форм II прошедшего в коми языке выявил в своей работе Р. Бейкер (Baker 1983 : 69—81), хотя он сознательно и не коснулся истории этой временной разновидности.

Между тем положения о парадигме лично-числовых форм II прошедшего времени, уже много лет остававшиеся как бы классическими в элементарных справочниках и грамматиках коми языка, требуют существенных дополнений. Даже поверхностные наблюдения показывают, что в реальном функционировании нормы литературного языка в области глагольной морфологии требуют значительного расширения, так как язык художественной литературы, прессы, радио и телевидения гораздо богаче кодифицированных в грамматиках положений. К сожалению, учебно-нормативные справочники и грамматики писались на скорую руку, без предварительных научных исследований, на базе уже существующих научных источников.

Обычно парадигма II прошедшего времени определяется в следующем виде:

2 л. ед. ч. <i>во-ѳм-ыѳ</i> 'ты пришел, оказывается'	2 л. мн. ч. <i>во-ѳм-ныѳ</i> 'вы пришли, оказывается'
3 л. ед. ч. <i>во-ѳма</i> 'он (она) пришел (шла), оказывается'	3 л. мн. ч. <i>во-ѳма-ѳсь</i> 'они пришли, оказывается'

Выделяются показатель II прошедшего времени *-эт* и лично-числовые суффиксы. Формы 2 л. ед. ч., 2 л. и 3 л. мн. ч. явственно демонстрируют строго агглютинативный характер коми морфологии, чего нельзя сказать о показателе 3 л. ед. ч. *-эта*, который воспринимается нынешними носителями языка как синкретичное образование, выражающее одновременно и время, и отношение действия и его субъекта. Иными словами, показатель *-эта* в литературном языке перешел во флективный, структурно и семантически неразложимый формант.

Выделение показателя 3 л. ед. ч. *-а* путем разложения *-эт+а* правомерно лишь в диахронических исследованиях, но не в работах, описывающих язык в синхронии. Идентична трактовка показателя 3 л. ед. ч. *-эт* в коми-зырянских диалектах и коми-пермяцком литературном языке. Этот формант, будучи более древним, широко употребляется в южных диалектах коми-зырянского языка (лузско-летском, верхнесольском, среднесольском) и в лупинском диалекте северного коми-пермяцкого наречия. Примеры: лл. *Гӧлӧсанӧй бырӧма кӧдзыд васӧ юӧмысь, Милӧяной юрсӧ ӧшӧм кушӧм-нибудь бедаысь* (Образцы 176) 'Голос мой пропал из-за того что я пила холодную воду, Милый голову повесил из-за какой-нибудь беды'; вс. *Юӧма нарӧсьнӧ кӧдзыд сур дӧй висьмӧм да кулӧм* 'Выпил нарочно холодного пива да заболел и умер' (Образцы 144). В этих диалектах показатели 3 л. ед. ч. II прошедшего времени выступают как синонимичные суффиксы.

В современной коми художественной литературе диалектный показатель 3 л. ед. ч. *-эт* также изредка употребляется, в основном в произведениях авторов — уроженцев районов распространения вышеперечисленных диалектов. Так, массу примеров содержат поэтические тексты основоположника коми литературы И. А. Куратова, писавшего в середине XIX века на среднесольском диалекте. Из-за требований стихосложения многие его примеры нельзя полностью адаптировать к литературному языку, например,

*Ен мем сетӧм
Йӧр тыр петӧм
Петшӧр... Оз ков койны
Видзтӧгыс оз сӧйны!* (Куратов 45)

'Бог мне дал во всем огороде выросшую крапиву... Не надо ее поливать, не съедят даже без охраны.'

Эти формы зафиксированы и у известного прозаика В. Юхнина, например, *Мича сера ситечьяс, шӧвк платтьӧяс, голыд серамъяс-ставыс чукӧрмӧм татчӧ, югыд шондӧ улас* (ЮВ 118) 'Красивые узорчатые ситцы, шелковые платья, веселые смешки — все собралось здесь, под ярким солнцем'. Грамматическое значение подобных глагольных форм понятно представителям коми языкового коллектива, пользующимся литературным языком. Тем не менее, показатель 3 л. ед. ч. *-эт* в литературном языке можно характеризовать лишь как диалектное проникновение по двум причинам. Во-первых, подобные употребления встречаются теперь исключительно редко, во-вторых, ими пользуются лишь авторы — выходцы из соответствующих диалектных регионов. Последний тезис нам представляется ключевым при определении литературности / диалектности того или иного грамматического явления в современном коми литературном языке.

Собранный языковой материал относительно употребительности различных лично-числовых глагольных форм II прошедшего времени позволяет ставить вопрос о правомерности включения в парадигму следующих формантов: 1) показателей 1 л. ед. ч. и 1 л. мн. ч. *-эта* и

-*ema-eš*, 2) дублирующего сочетания лично-числовых формантов 2 л. мн. ч. *-nideş/-ideš*, 3) синонимичного ныне общепринятому показателю 3 л. мн. ч. *-eš* показателя *-ni*.

1. Принято считать, что форм 1-го лица II прошедшего времени в литературном коми языке не имеется вообще. На основе диалектных данных исследователи полагают, что рассмотренные члены парадигмы исчезли в ходе развития коми языка (Серебренников 1963 : 259; Baker 1983 : 69 и др.). Глаголы II прошедшего времени в формах 1 л. ед. и мн. ч. употребляются в лузско-летском, верхнесольском, выском, удорском и ижемском диалектах, т. е. в периферийном южном, северо-западном и северном ареалах. Примеры: вс. *Ме тай горшюс па ськө д'эма да лөвөс пэрья уджала*. 'Я вот из-за жадности работаю, выбиваюсь из сил' (ВСД 256); лл. *Войнас и четчыллөма да вой шорнас и пачлө лонтыллөма* '(Я) ночью, оказывается, встала, и ночью печку топила' (Образцы 179); вым. *Ме кольёма ай сьбөрысь нель арёса* 'После отца я остался четырех лет' (Образцы 203); иж. *Топ мэ сійэ ад'дзылэма* 'Точно я его видел' (ИД 82). Своеобразны формы 1-го лица в удорском диалекте, например, *Муйё мэ талы ви с'талөмө* 'И зачем только я ему сказала'; *Вөдз на и ми сувт'мным* 'Рано еще мы встали' (УД 71).

Применительно к грамматике общенационального языка члены парадигмы 1 л. ед. ч., 1 л. мн. ч. выделял в своей грамматике лишь И. А. Куратов (1939 : 93). Удмуртские исследователи также выделяют эти члены парадигмы и отмечают редкость употребления глаголов II прошедшего времени. Пример: *Укноысь тыл'эсты ад'зыса, Сима шуиз: «Бен асьмеос вуись кемны ук. Кыёе жог»* (И. Гаврилов. Вордйськем пальёсын) 'Увидев свет в окнах, Сима сказала: «Оказывается, мы уже доехали. Как быстро' (ГСУЯ 206).

Наши наблюдения позволяют говорить и об употреблении форм 1 л. ед. и мн. ч. II прошедшего времени в коми литературном языке. И хотя встречаются они чрезвычайно редко, тем не менее такое употребление показательно и не является языковой ошибкой. Подобные случаи вполне укладываются в общую систему форм II прошедшего времени. Р. Бейкер на материале употреблений форм 1-го лица в диалектах выводит важный тезис об отделении говорящего от действия, которое он совершил или которое совершилось, выдвигает идею невовлеченности, неучастия в действии (Baker 1983 : 73). Примеры во многом подтверждают эти положения, например, *...а ме вöля вылын, чеччöма да крöватьын пукала* (ШП 53) '...а я на воле, сел, оказывается, и на кровати сижу'. В повести П. Шахова здесь представлена следующая ситуация: герой в неблагоприятный для него день просыпается в постели, говорит об этом уже как о давнем событии, пересказывая события того неприятного для него дня.

В других же примерах повествователь / говорящий на первое место ставит идею результата действия, в котором он принимал активное участие, совершал его осознанно: — *Толя, тэ талулн столöвöяд öтнад ветлы... Ме сёйöма-юöма* (Б. Шахов, ВК 1990, № 8, с. 33) '— Толя, ты сегодня сходи в столовую один... Я поел-попил уже'; — *Колö вöли — öтлаасим... Но абу ме сы дорö гезйөн кёртасьöма ни сирасьöма* (Б. Шахов, ВК 1990, № 10, с. 36) '— Надо было — соединились... Но я к ней веревкой не привязан, не приклеен'. Говорящий отторгает свою субъективную волю от констатируемого действия, как и в случаях других лично-числовых глагольных форм II прошедшего времени.

Примеры с показателями 1 л. мн. ч., формально тождественными формам 3 л. мн. ч. *-ema-eš*, также демонстрируют подобную закономер-

ность: *А мийö таладор берегас изъя муö сизьдём окопъясö пырö-маöсь* (ТИ 184) 'А мы на этом берегу забрались в окопы, продолженные в каменную землю'; *Трактористъяс быдён откодя шуисны — ми пасьтасьöмаöсь шоныда* (П. Елохин, ВК 1988, № 4, с. 54) 'Трактористы сказали все как один — мы одеты тепло'. В первом случае рассказчик сам долбил окопы в каменной земле, во втором трактористы одевались, естественно, тоже сами. Таким образом, положение о неочевидности, фактическом неучастии говорящего в действии присутствует лишь в малой части зафиксированных случаев. Другие употребления также говорят о подчеркивании результативности действия, случившегося с лицами-повествователями, например: *Но ми ланьтöдчим и со тырöмаöсь тошкөн. Мый эз вöчсьы, мый эз ло панласьöмön ошким* (Г. Юшков, ВК 1988, № 4, с. 17) 'Но мы замолкли вот и обросли уже бородой. Что не делалось, что не свершалось, восхваляли, соревнуясь друг с другом'; — *Весалан! А ми асьным, видзöда да, чегсьöмаöсь. Быттьöкö пенсия вылö нин лöсьöдчим, да мед эськö мыйкö эз ло.* (Г. Юшков, ВК 1989, № 4, с. 46) '— Вычистишь! А мы, я смотрю, сломались уже. Как будто приготовились уже к пенсии, да чтобы ничего уже не случилось'. В последних двух случаях говорящие опять же основной акцент делают на результативности действия.

Кстати, употребление в 1-м лице форм II прошедшего времени уже фиксировалось. Так, В. А. Ляшев в вымском диалекте отмечал стадию переосмысления причастий в глаголы II прошедшего времени, например, *Ме соjeta i jieta* 'Я наевшаяся и напившаяся' (Ляшев 1975 : 167). Б. А. Серебренников, не выделяя глагольных форм 1 л. ед. и мн. ч. для коми литературного языка, отмечал их употребление: «*Тэкöд аддзсьлыны окота лои*», — нюмъялö Анна. «*Али ачым ме кулöма?*» — *думайтö Яков* '«С тобой повидаться захотелось,» — улыбается Анна. «Или сам я умер? — подумал Яков' (Серебренников 1963 : 260). Примеры из произведений Г. Федорова, А. Льюрова, И. Изьюрова Б. А. Серебренников оставляет фактически без объяснений. Собранный материал из художественной литературы очень показателен, ибо такие авторы, как Г. Юшков, П. Шахов, И. Торопов, Б. Шахов, П. Елохин, не являются носителями отмеченных выше диалектов, где фиксируется полная парадигма личных форм, в том числе показатели 1 л. ед. и мн. ч. II прошедшего времени. Вероятно, это объясняется гораздо более широким диалектным употреблением членов парадигмы 1-го лица, чем зафиксировано в трудах по описательной диалектологии. К тому же подобное употребление не часто. Дальнейший сбор материала, несомненно, дополнит представление о функционировании рассматриваемых форм в современном коми литературном языке.

2. О дублирующем сочетании лично-числового показателя 2 л. мн. ч. обычно в работах обобщающего плана умалчивается. В ряде таких работ по коми диалектам зафиксированы глагольные формы 2 л. мн. ч. *munem-nid-es* 'вы ушли, оказывается', где к лично-числовому показателю *-nid* присоединяется и суффикс предикатива множественного числа *-es*: *туйыс няйт* 'дорога грязная' → *туйясыс няйтöсь* 'дороги грязные'. Показатель *-es/-es* прибавляется к показателю времени и лица числа *-emid* в среднесыольском и лузско-летском диалектах, так образуется лично-числовое оформление 2 л. мн. ч. *-öмыдöс*: *Тийö тай мунöмыдöс нын* 'Вы, оказывается, уже ушли' (ССД 51); *-öмныдöс/öмыдöс* *Воча пуксöмныдöс* 'Вы сели друг против друга'; *Кытчы лотöмныдöс?* 'Куда подевали?' (ЛЛД 82). Показатель 2 л. мн. ч. *-ыдöс* характерен и для присыктывкарского диалекта (ПСД 131).

Тем самым дублирование грамматически синонимичных аффиксов

не представляется чем-то алогичным в данном случае, тем более что сочетание *-nid-εś* употребляется в основном в устной речи представителей многих коми-зырянских диалектов. Эта особенность устной речи гармонично проникает и в литературный язык. Примеры: *Чөв-лөньсө медбөрын торкис Владимир Ширяев: — Праздничной передача пыдди гижөмныдөсь лозунгъяс сора передөвöй статья* (А. Лыуров, ЮТ 1988, 11/VI) 'Наконец, тишину нарушил Владимир Ширяев: — Вместо праздничной передачи вы написали передовую статью, перемешанную лозунгами'; *Мый нө ті вöчөмныдөсь? — скөра юали налысь, но некод эз вочавидз* (Ф. Тараканов, ВК 88, № 8, с. 24). Употребление *-nid-εś* ярко характеризует разговорно-бытовую речь, это можно квалифицировать как один из грамматических признаков соответствующего функционального стиля коми языка.

Зафиксирован также пример из произведений Г. Юшкова, где дублирующее сочетание *-id-εś* образовано непосредственно из показателя 2 л. ед. ч. *-id* и показателя предикатива множественного числа *-εś*: *Со тай пöрөдöмыдөсь. Став керйыс му бердас. Ньöрсө ни понöльсö абу жö ёна вэръзөдлөмыдөсь* (ЮГ 142) 'Ну вот свалили. Все бревна на земле. Ни кусты, ни подрост также вы не очень повредили'. Вообще сочетание *-id-εś* представляет собой своеобразный случай образования нового показателя, ибо здесь налицо слияние несинонимичных аффиксов. Тем не менее сочетание имеет право быть представленным в нормативных грамматиках коми языка.

Вполне возможно, что причиной невключения в работы обобщающего характера дублирующего сочетания *-nid-εś* явилось то, что его характеризовали как языковое излишество или нарушение. Однако дублирование на морфологическом или на лексико-грамматическом уровне в коми языке встречается и в области падежной системы (Вагер 1981 : 237—238).

Как пример лексико-грамматического дублирования, исключительно часто встречающегося в устной и письменной речи, можно привести такие сочетания, как *неуна сёйыштис, ичöтика сулыштис* 'немного поел(а), чуть-чуть постоял(а)'. Здесь в принципе идентичное содержание вносят наречия меры *неуна, ичöтика* и глагольный суффикс уменьшительного акционсарта *-ышт*. Однако подобные сочетания не являются, на наш взгляд, языковым нарушением. Последнее имеет место в том случае, если повторяется один и тот же формант, делая словоформы излишне громоздкими и неудобопроизносимыми, внося нежелательную в таких случаях внутреннюю рифму, например, *Тайö керкаясыс ва жöсь джыкөсь* 'Эти дома более старые'.

3. О показателе 3 л. мн. ч. *-ni*, синонимичном суффиксу *εś-*, в литературе известно уже давно. Суффикс *-ni* употребляется наряду с общелитературным *-εś* в лузско-летском, среднесыольском, удорском, печорском диалектах, во всех остальных диалектах распространен *-εś*, или *-εś*. Последний и кодифицирован как литературная норма в нормативных грамматиках и справочниках. Примеры на диалектное употребление: лл. *Дядьлөн лямпаяс тожө кыкнаныс чегөмны* (Образцы 156) 'У дяди охотничьи лыжи также обе сломались'; сс. *Асыл чеччис, видзөдö: нинкөмтö чипанъяс быдөн косялөмны, кокалөмны* (Образцы 111) 'Утром он встал, смотрит: его лапти курицы все разорвали, расклевали'; *Вөл'ис йуэ өмныс тшай* 'Только что, оказывается, пили чай' (УД 72). Употребление суффикса *-ni* в 3 л. мн. ч. в научной литературе уже фиксировалось (Бубрих 1949 : 121). Так, Е. С. Гуляев в своем очерке истории литературного языка приводил доводы в пользу включения *-ni* в фонд ли-

тературного языка (1974 : 467). Материал свидетельствует об участвовавшем употреблении глаголов II прошедшего времени в форме 3 л. мн. ч. с суффиксом *-ni* как в художественной литературе, так и в прессе, публицистике, научно-популярных работах. Естественно, рассматриваемые глагольные формы в первую очередь используют авторы — уроженцы районов распространения перечисленных диалектов — И. Куратов, В. Юхнин, Е. Афанасьев, И. Торопов, В. Торопов, Н. Куратова, В. Безносиков и другие. Примеры: *Войпук керкаын ныв сизим чукорьма. Лабич кузяис пук сялӧмны, оз печкыны, мургбны мыйкӧ нориника, сьылӧны* (КН 142) 'В доме для посиделок собрались около семи девушек. Сели они вдоль лавки, не прядут, что-то под нос поют-мурлыкают тихонько'; *Мӧсьясис, кодъяс мынӧмны чеп йывсьис, стenas пондӧмны кавшасьны* (Е. Афанасьев, ВК 1990, № 7, с. 77) 'Коровы, которые сорвались с цепи, стали лезть на стену'; *Сэтиӧм жӧ горсья чуркяяс быд сикас кӧлуй да сӕян-юан видзны дорлӧмны стenas, мед шыртьяс эз дӧзмӧдчыны* (В. Торопов, ВК, 1990, № 11, с. 45) 'Такие же дуплистые чурки прибили в стену для хранения всевозможных снастей и продуктов, чтобы не досаждали мыши'.

В современных литературных текстах рассматриваемый формант широко привлекают и авторы, в родных диалектах которых не употребителен *-ni*. Эта интересная особенность заметна и в прозе, поэзии, и в журналистике, и в научно-популярных изданиях. Примеры: *Гашкӧ, мый ставным ми — энотӧм ловъяс, ог нин колӧй, на кольӧмны пас* (Е. Козлов, ВК 1989, № 12, с. 13) 'Может быть, от того что все мы — заброшенные души, не нужны уже, но оставили знак'; *Увлань пӧлынът чӧмны пуйс* (А. Размыслов, ЮТ 1990, 9/1) 'Вниз наклонились деревья'; *Няньсӧ трудодень вылас вит килограммӧн юклӧмаӧсь война водвылас йӧзыслы, а му-видзьяснас воись-во паськӧдчӧмны и паськӧдчӧмны, скӧтнас содтысьӧмны* (А. Одинцов, ВК 1990, № 5, с. 40) 'Хлеба на трудодень перед войной людям распределяли по пять килограммов, а землями-угодьями из года в год расширялись и расширялись, прибавляли скот'; *Пермӧ воӧмны округлӧн районтьяссь 600 морт* (И. Белых, ВК 1990, № 4, с. 67) 'В Пермь приехало из районов округа более 600 человек'; *Литературной процесс да талунъя олӧмыс петкӧдлӧны, мый найӧ (диалектизмъяс) зумыда ву жъясъӧмны миян сёрниӧ* (Игушев 75) 'Литературный процесс и сегодняшняя жизнь показывают, что они (диалектизмы) крепко укоренились в нашей речи'.

Особенно часто лично-числовое оформление 3 л. мн. ч. *-ni* II прошедшего времени употребляют журналисты и авторы республиканской газеты «Коми му» (до 1991 г. «Югыд туй»). Приведенный материал свидетельствует о том, что авторы — не уроженцы районов с употреблением лично-числового форманта *-ni*, используя глаголы с этим суффиксом, уже не осознают его диалектного либо регионального характера. Рассматриваемые глагольные формы бытуют как дублиеты-синонимы к форманту *-es*: *Кымӧръяс разолӧмаӧсь* 'Тучи рассеялись'. И хотя подобное параллельное употребление в коми литературе представлено начиная с XIX века, со стихов И. А. Куратова, в науке этому феномену должного внимания до сих пор не уделялось.

Представленный к обсуждению материал (члены парадигмы 1 л. ед. и мн. ч. *-eta* и *eta-es*; дублирующее сочетание 2 л. мн. ч. *-nid-es*, синонимичный суффикс 3 л. мн. ч. *-ni*) вполне может быть охарактеризован как факт литературного языка на основании следующих критериев.

Во-первых, приведенные глагольные формы достаточно широко употребительны в художественных произведениях, в периодических изда-

ниях, в языке радио и телевидения, не воспринимаются как языковая ошибка или грамматические окказионализмы.

Во-вторых, члены коми языкового коллектива, активно использующие литературный язык, без труда воспринимают рассмотренные формы глагола, недвусмысленно осознают информацию.

В-третьих, указанные формативы в настоящее время широко употребляются и авторы — уроженцы диалектных районов с исконным употреблением формативов, и те авторы, в родных диалектах которых исследованные показатели не встречаются. Последнее исключительно важно. Оно свидетельствует о том, что и при восприятии речи и при употреблении в литературном языке указанные формативы не осознаются, не ощущаются как диалектные или региональные.

Таким образом, расширенная парадигма лично-числовых форм II прошедшего времени принимает следующий вид:

1 л. ед. ч. <i>-əta</i>	1 л. мн. ч. <i>-əta-əś</i>
2 л. ед. ч. <i>-əm-ɨd</i>	2 л. мн. ч. <i>-əm-nɨd ~ -əm-nɨd-əś ~ -əm-ɨd-əś</i>
3 л. ед. ч. <i>-əta</i>	3 л. мн. ч. <i>-əta-əś ~ -əta-š ~ -əm-nɨ</i>

Парадигму в предложенном виде можно аргументированно считать нормой литературного языка, активно обогащающейся за счет языковых средств диалектной речи.

Сокращения

ВК — журнал «Войвыв кодзув» (Сыктывкар); **ВСД** — Т. И. Жилина, Верхнесыольский диалект коми языка, Москва 1975; **ГСУЯ** — Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, Ижевск 1962; **Игушев** — Е. А. Игушев, Чужан кыв — менам олӧм да вӧт, Сыктывкар 1988; **ИД** — М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, Ижемский диалект коми языка, Сыктывкар 1976; **КН** — Н. Куратова, Боббиянь кӧр, Сыктывкар 1983; **Куратов** — И. Куратов, Менам муза, Сыктывкар 1979; **ЛЛД** — Т. И. Жилина, Лузско-летский диалект коми языка, Москва 1985; **Образцы** — Образцы коми-зырянской речи, Сыктывкар 1971; **ПСД** — Т. И. Жилина, Г. Г. Бараксанов, Присыктывкарский диалект и коми литературный язык, Москва 1971; **ССД** — Н. А. Колегова, Г. Г. Бараксанов, Среднесыольский диалект коми языка, Москва 1980; **ТИ** — И. Горопов, Тяя, Сыктывкар 1982; **УД** — В. А. Сорвачева, Л. М. Безносикова, Удорский диалект коми языка, Москва 1990; **ШП** — П. Шахов, Повестьяс, Сыктывкар 1977; **ЮВ** — В. Юхнин, Диньельса вӧрпункт, Сыктывкар 1983; **ЮГ** — Г. Юшков, Рӧдвуж пас, Сыктывкар 1979; **ЮТ** — газета «Югыд туй» (Сыктывкар).

ЛИТЕРАТУРА

- Бубрих Д. В. 1949, Грамматика литературного коми языка, Ленинград.
 Гуляев Е. С. 1974, Очерки истории коми литературного языка. Научный отчет, Сыктывкар (Архив Коми научного центра УрО АН СССР, ф. 5, ед. хр. 101).
 Куратов И. А. 1939, Лингвистические работы, т. II, Сыктывкар.
 Ляшев В. А. 1975, Фонетико-морфологические особенности вымского диалекта коми языка. Канд. дисс., Сыктывкар (Рукоп.).
 Серебrenников Б. А. 1955, О природе прошедшего неочевидного в пермском и марийском языках. — ЗУдмНИИ, вып. 17, 161—169.
 — 1963, Историческая морфология пермских языков, Москва.
 Baker, R. 1983, Komi Zyryan's second past tense. — FUF 45, 69—81.
 — 1985, The Development of the Komi Case System. A Dialectological Investigation, Helsinki (MSFOu 189).
 Kővesi, M. 1965, A permi nyelvek ősi kőpzői, Budapest.

JEVGENIJ CYPANOV (Syktyvkar)

ADDITIONS TO THE PARADIGM OF THE SECOND PAST
TENSE IN THE KOMI LANGUAGE

On the basis of new materials from the literary language, it is suggested that the traditional paradigm of the Second Past Tense of the Komi language should be supplemented by the addition of new members of the paradigm *-ema* and *-ema-ēs* for the first person singular and the first person plural, which would duplicate the combination of the personal-numerical forms *-nid-ēs/-id-ēs* and the synonymous suffix of the third person plural *-ni*. The proposed supplementary paradigm of the Second Past Tense in the Komi language will then be as follows:

1 sg <i>-ema</i>	1 pl <i>-ema-ēs</i>
2 sg <i>-em-īd</i>	2 pl <i>-em-nīd</i> <i>-em-nīd-ēs</i> ~ <i>-em-īd-ēs</i>
3 sg <i>-ema</i>	3 pl <i>-ema-ēs</i> <i>-ema-s</i> <i>-em-ni</i>

This new paradigm should be fixed in new grammars as a literary norm of the contemporary language.